

УДК 94(477):329.15:[3.08]«1945/1964»

П. В. Киридон**Партийно-государственная номенклатура Украинской ССР: злоупотребление властью и нарушения законности (1945—1964 гг.)**

Исследуются причины, предпосылки и типичные проявления злоупотреблений властью со стороны партийно-государственной номенклатуры, допускаясь в послевоенное двадцатилетие в Украинской ССР.

Ключевые слова: Украинская ССР, Коммунистическая партия (большевиков) Украины, партийно-государственная номенклатура, нарушения законности, злоупотребление властью, привилегии.

В послевоенные годы в Украинской ССР приобрело завершенные формы создание системы преференций, которая всесторонне насыщала жизненные потребности управленцев, фактически ставя партийно-государственную номенклатуру над обычными гражданами. Создав отдельную социальную группу, руководители всех рангов почти бесконтрольно пользовались материальными благами, обеспечивая себя бытовыми удобствами сверх общепринятых норм и стандартов.

Гарантирование привилегий для управленцев в таких условиях превратилось в неотъемлемую часть тоталитарного механизма политической системы, построенной в СССР. Право «жить лучше» было узурпировано номенклатурой как своеобразная плата общества победителю в революции и недавней войне.

Поскольку к пользованию привилегиями допускались только «свои», практические соображения вынудили партийно-государственное чиновничество очертить границы влияния, чтобы точно знать, кто и насколько входит в круг избранных. В этом — объективный смысл номенклатурной системы, замечает М. Восленский [4, с. 111].

Заметим, что законодательная база, уставные нормы партийной жизни формально ограничивали свободу действий функционеров. Поэтому распространялись тенденции к созданию незаконных привилегий, воспринимаемых как своеобразный довесок к властным креслам. Вскоре выстроилась разветвленная система злоупотреблений положением, которая позволяла номенклатуре игнорировать и обходить законы.

Сказанное вытекает из характера коммунистической политической системы, которой диктовались правила поведения правящей прослойки, определялись моральные нормы взаимоотношений. Вырождение, моральное растрепывание номенклатуры исходило из устоев диктатуры. Война и послевоенная обстановка катализировали развитие этих явлений. На этой основе бюрократическое сословие корректировало общественную атмосферу, в которой пребывали коллективы людей, — от октябрятско-пионерских до общественных организаций. На наш взгляд, таким путем происходила номенклатурная структуризация общества, критериями которой выступали командно-административные принципы, распространенные на сферу морали. Формировалась тоталитарная догма индивидуального подчинения личности власти. Привилегии начальства исходили из навязанной властью моральной пассивности гражданина.

Вместе с тем низшие слои номенклатуры, возвысившейся над обычными членами общества, были бесправными относительно высшей власти. Структуризация общества по принципу правового неравенства становилась универсальным принципом советской власти. Рядовой чиновник не мог, к примеру, как простой гражданин, провести выходной или отпуск по своему усмотрению. Известный политик и хозяйственник Н. Байбаков

© Киридон П. В., 2014

вспоминал, как из-за совещания у Л. Кагановича (в воскресенье) опоздал на собственную свадьбу. Таким образом, партийно-государственные служащие постоянно пребывали в сложной психологической ситуации, которая влияла на личность. От чиновников требовалось быть постоянно собранными, физически здоровыми, готовыми отказаться от личной жизни и перманентно мобилизованными на работу [5, с. 265, 289]. Приближенная к армейской дисциплина регламентировала деятельность номенклатурных образований. А жесткость положения предполагала для чиновников своеобразные компенсационные привилегии.

Порожденное неудовлетворенностью собственным местом в иерархии номенклатуры желание сполна воспользоваться преференцией правящей прослойки вынуждало управленцев к нарушению не только регламентных, но и правовых норм.

Граждане часто посылали в обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы советов «сигналы», становившиеся предпосылками для открытия персональных дел руководителей. В последних излагались материалы, которые свидетельствовали о злоупотреблениях и даже преступлениях представителей партийно-государственной номенклатуры. Виновных наказывали, но действенной системы упреждения этого явления не существовало. Поэтому механизмы контроля, заложенные в уставные нормы жизни партии, работали скорее как деструктивная сила, подрывающая номенклатурные структуры изнутри [8, с. 507], хотя и не могли изменить их бюрократическую природу. Жалобы в высшие политические инстанции, официальные учреждения, СМИ оставались наиболее действенным и самым распространенным методом борьбы населения против злоупотреблений начальства. Так, в 1946 г. в Секретариат ЦК КП(б)У поступило 47 931 письмо и заявление от граждан. В 2992 из них размещались компрометирующие материалы на определенных лиц [18, л. 3].

Среди резонансных дел обращают на себя внимание увольнение в конце 1940-х гг. министра здравоохранения УССР (низкий научный уровень диссертации и плагиат), первого секретаря Знаменского райкома партии Кировоградской области (спекуляция жильем), председателя Житомирского горисполкома (разворовывание государственных средств), директора Никопольского учительского института Днепропетровской области (интимные связи со студентками), заведующего Полтавским облотделом культпросветучреждений (администрирование, пьянство) и пр. [18, л. 12—20, 33—34]. В органы госконтроля поступила жалоба на Н. Хрущева, которого обвинили в том, что во время голода 1946 г. в Украине он, работая в Киеве, слишком злоупотреблял спиртными напитками в компании друзей — преимущественно фронтовиков. Работник службы безопасности В. Алидин в ходе оперативной проверки подтвердил эти факты, о чем позже написал в мемуарах [2, с. 161—164]. Подобных случаев было немало. Поэтому у анонимного адресата из Западной Украины были основания писать секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову в 1948 г.: «Неспроста работники говорят, что наши руководители мало отличаются от буржуев» [11, с. 159].

Ввиду распространенности злоупотреблений властью убедительно выглядят данные об исключении из партийных рядов. На протяжении 1945—1951 гг. ВКП(б) вынуждены были оставить около 600 тыс. человек (в среднем 85,7 тыс. ежегодно), в 1957—1960 гг. из КПСС исключали 40—55 тыс. каждый год. В начале 1960-х гг. показатель достиг 65—70 тыс. человек. Около 50% лишались партийного билета «за поведение, несовместимое с высоким званием коммуниста» [1, р. 311; 9, с. 106]. 42,2% (большинство составляли руководящие кадры) обвинялись в преступлениях: взяточничестве, воровстве, моральном растлении [11, с. 155—158].

Стремление номенклатуры к получению благ и привилегий усилил период «оттепели». В 1959 г. приобрел огласку случай, произошедший со вторым секретарем ЦК КПСС,

бывшим лидером КПУ А. Кириченко. Во время инспекционной поездки по югу Украины он оборудовал для собственной резиденции большой теплоход, превратив служебную командировку в увеселительную экскурсию для себя и многочисленной свиты [12, с. 109]. Вскоре нарушителя понизили в должности, выведя из состава Президиума ЦК. Но за А. Кириченко оставили довольно высокий номенклатурный статус. Право на привилегии и льготы, даже в случае попадания в немилость, как правило, сохранялось, гарантируя относительно благополучное будущее аппаратному работнику.

Больше всего нарушений законности и преступлений в послевоенное двадцатилетие числилось за руководством украинской деревни. Колхозники, как и прежде, оставались самой униженной социальной группой, произвол в отношении которой со стороны местной номенклатуры типичен для отношений привилегированных представителей власти и фактически бесправных граждан. В голодном 1947 г. председатель колхоза Барвинковского района Харьковской области занял с семьей детские ясли: три комнаты — под жилье, столовую — для коровы, кухню — для свиней, вынув окна, через которые выкидывали навоз. Захватив колхозный овощной погреб и склад с хлебом, он с женой торговал продуктами на базаре. От голода в деревне тогда умерло 10 колхозников, у сотни из них была дистрофия [13, л. 43—45]. В 1951 г. председатель и секретарь сельсовета в Самгородском районе Винницкой области во время пьяной оргии устроили в чужом помещении дебош, связали и подвесили на поперечине в погребной надстройке колхозника. За это председатель совета как коммунист отделался партийным выговором. Руководитель Перещепинского райисполкома Днепропетровской области бесплатно получал в одном из колхозов муку, яблоки, помидоры и прочее, а технических работников исполкома заставил ремонтировать собственную квартиру. За такое самоуправство бюро обкома освободило его от занимаемой должности (не имея на то права, ведь председатель исполкома занимал выборную советскую должность). Глава колхоза в Подгаецком районе Тернопольской области побил девять крестьян, не допускал их к работе. Председатель получил за это партийное взыскание — выговор [17, л. 8—9, 20].

Впрочем, деревенское начальство лишь представляло управленческо-деспотическую систему. Сами «низы» номенклатуры пребывали в полной зависимости от высших руководителей. Бесправное положение сельских руководителей относительно районно-областного звена было тотальным. В ноябре 1946 г. первый секретарь Коростышевского райкома партии (Житомирская область) на партактиве пригрозил присутствующим председателям колхозов и сельских советов, заявив: «15 дней назад... вы все обещали мне выполнить весь комплекс сельскохозяйственных работ к 29 годовщине Октябрьской революции, а выполнили из всех только колхозы деревень Кашперовка и Лазаревка, остальные обманули меня и советскую власть. Я спрашиваю вас, доколе вы будете обманывать меня и советскую власть? Доколе будете лгать и заниматься саботажем? Я больше этого не потерплю и всех вас повяжу и отправлю на восток. Там, на востоке, есть такой туннель, в который все туда отправленные обратно уже никто не возвращается, вот что я с вами сделаю» [16, л. 59]. Наверняка районный руководитель экстраполировал на сельскую номенклатуру тот партийный диктат, которому подвергался со стороны областного начальства, а последние — от высших инстанций. Система держалась на страхе, формирующем облик ее носителей.

Такой порядок действовал в годы позднего сталинизма, сохранился он в принципиальных подходах и во времена хрущевской оттепели. После XX съезда КПСС атмосфера либерализации способствовала подъему критики злоупотреблений со стороны начальства. Во время обсуждения съездовских решений в Киевском пединституте иностранных языков член партбюро Н. Щербина заявил: «Культ личности распространился на всех

работников, в том числе и секретарей райкомов, горкомов и обкомов. Они ограждены от народа охраной в несколько человек. Получают не только заработную плату, но и «плату» в конверте, количественно во много раз большую, чем зарплата, но за которую членских взносов и налогов не платят. Они получают продукты по заготовительным ценам. Пользуются особыми мастерскими. Бесплатно посещают театры не только сами, но и их жены, которые, как правило, не работают и имеют домашних работниц. Все они имеют дачи, окруженные запретной зоной, на охрану которых тратятся большие средства. У товарища Кириченко (первого секретаря ЦК КПУ. — П. К.) охрана больше, чем была у царя. Дети этих привилегированных людей не имеют ни в чем отказа, и, вполне ясно, у них воспитывается барское отношение к окружающим» [3, с. 114].

Отметим, что этические нормы поведения номенклатурщика определялись идейными положениями. Ряд из них зафиксирован в принятом на XXII съезде КПСС (1961 г.) «Моральном кодексе строителя коммунизма». Перечень запретов, касающихся поведения управленцев, действовал в окружении номенклатуры довольно жестко. «Устав административной морали» определенным образом сдерживал развитие безнаказанности бюрократических аппаратчиков [10]. Однако, как правило, «начальству» позволялось игнорировать правила, писанные для «рядового состава».

Трудящиеся выражали недовольство местными «культиками». Так, граждане возмущались позицией газеты «Крымская правда», которая опубликовала передовую статью «Из речи товарища Комяхова» — первого секретаря обкома, николаевскими областными газетами, много места уделявшими речам секретаря областного комитета партии В. Маленкина (непременно с портретами) [19, л. 165] и пр.

Критические настроения в обществе относительно бюрократии становились небезопасными для политического режима. М. Восленский писал, что «лишь срочными мерами созданного при Хрущеве огромного Идеологического отдела ЦК КПСС... удалось предотвратить грозившее превращение номенклатурщика в осознанный советской литературой и тем самым ее читателями образ» [4, с. 144].

В дальнейшем спасение престижа чиновников требовало от власти постоянных усилий, поскольку было сложно скрывать от населения реальное положение вещей. В привилегиях для партийно-государственных функционеров граждане усматривали несправедливость существующего общественного строя.

Вынуждена была реагировать на массовую неприязнь к ней и номенклатура. Действуя ради удовлетворения собственных интересов, она все больше прибегала к неофициальным схемам самозащиты. В итоге усилилась система «связей», подменявшая официальные отношения, заполняющая пробелы плановой экономики, порождающая дефицит товаров, отставание сферы обслуживания и пр. Чиновничье сословие навязывало обществу такую модель взаимоотношений, при которой знакомства и приятельские отношения с управленцами давали гражданам возможность доступа к «негласному» пользованию общественными благами.

Из-за в общем пассивной реакции населения на развитие отношений «блата» «связи» оформились в неприступные сферы влияния номенклатурных кланов. М. Джилас отмечает: «Дома за ужином, на охоте, в беседе 2—3-х решаются вопросы, которые документируются потом на сессиях, пленумах, конференциях, съездах» [7, с. 241].

Понятно, что наряду со «связями» развивалась коррупция. Номенклатура создавала неофициальные «центры власти», которые приобретали практически самостоятельное значение. Аппарат понимал, что способен и должен реально удерживать власть. Новые черты самоуверенности и демонстративной кичливости собственным положением становились для номенклатурщика доказательством претензий на привилегии.

Итак, аппаратная должность не только определяла социальный статус, довесок привилегий и льгот их обладателя, но и создавала потенциальные возможности злоупотребления служебным положением и обуславливала непосредственную зависимость каждого управленца от старшего номенклатурного начальника. Механизма противоядия этому явлению или хотя бы его регулирования тоталитарная система не выработала и, собственно, не испытывала в этом необходимости. Факты незаконных деяний номенклатуры, использования ею должностных возможностей для самоуправства подтверждают свойственное недемократическому обществу отсутствие правовой системы.

Документы фиксируют финансовые злоупотребления со стороны руководителей различных уровней во время денежной реформы 1947 г. Системная сеть преступников была разоблачена в аппаратных структурах Сталинской области, а председатель Енакиевского городского комитета ВКП(б) осужден за финансовые преступления [11, с. 164]. К махинациям во время обмена денег прибегли 5 членов Черниговского обкома и их семейства. Подобные проступки были инкриминированы номенклатурным деятелям в Николаевской и Харьковской областях, в Одессе [16, л. 2].

Финансовые злоупотребления вообще стали характерным признаком значительной части номенклатуры. Согласно официальным данным, на протяжении 1961—1963 гг. органы КГБ Украинской ССР расследовали криминальные дела в отношении «валютчиков» и расхитителей, среди которых выделяются материалы на 667 лиц. Среди последних назывались 12 директоров совхозов, 4 руководителя предприятий местной промышленности, 14 довольно крупных советско-партийных работников, 43 директора предприятий, 2 председателя колхозов (всего — 65 лиц) [14, л. 13—14].

Привилегированное положение партийно-государственных функционеров порождало тенденцию к развитию коррупции в среде номенклатуры. Обусловленная карьеристскими соображениями, страстью к роскоши и власти алчность последовательно питала эту болезнь в недрах самой политической системы, делая ее «самокоррумпированной, неустанно плодоносящей привилегиями и паразитическими функциями» [7, с. 240]. Часто грубым обращением к гражданам функционер только демонстрировал свой фактический статус, номенклатурную значимость и истинную, противозаконную, компетенцию принадлежащего к привилегированной касте чиновника. Показывая стремление к пользованию роскошью, такой аппаратчик руководствовался не только обычными человеческими соблазнами, но и тем, что им, власть имущим, была органически свойственна потребность воплощать свой блеск, могущество и, прежде всего, магию управления людьми, искусство, доступное только вот таким существам особенного порядка [там же].

Итак, послевоенное двадцатилетие засвидетельствовало формирование республиканской номенклатуры, отличающейся от довоенных управленцев большей свободой действий, которая основывалась на снижении контроля со стороны центра, уменьшении угрозы репрессий и наказания за злоупотребления властью, убеждении в собственном праве на произвол. Стремление руководить жесткими административно-командными методами, склонность к бюрократизму в условиях ощутимых предпочтений номенклатурной среды характеризовали чиновника середины 1940 — начала 1960-х гг. [6, с. 214—215].

В целом привилегии и льготы наряду с претензиями на необязательное соблюдение законов и правил определяли границы поведения номенклатурщиков, их статус «власть имущих». «Настоящий коммунист — это помесь фанатика с необузданным правителем. Только такое соединение дает настоящего коммуниста. Остальные — или идеалисты, или карьеристы» [7, с. 240].

Отличительным свойством советско-партийного аппарата было нежелание работать в полную силу без мотивации личных или клановых интересов. Во времена И. Стали-

на внешним стимулом «добросовестной» работы чиновничества был преимущественно страх, порожденный репрессиями. В хрущевское время, в обстановке прекращения этой угрозы, не изобрели ничего лучшего, чем стимулирование номенклатуры системой привилегий и льгот. Устранение страха относительно собственной судьбы сопровождалось расширением допуска управленцев к материальным выгодам. Потерять последнее было так же опасно, как и уступить место в иерархической системе.

Таким образом, социальные преимущества партийно-государственной номенклатуры в 1945—1964 гг. стали органической составляющей политического режима, руководствующегося командными принципами. Основываясь на чиновничье-аппаратных структурах, власть всячески поощряла привилегированное положение функционеров, поскольку этим мотивировалась номенклатурная поддержка диктатуры коммунистической партии.

Сословие управленцев возвысилось в обществе благодаря чрезвычайному статусу. Беспokoясь о защите собственного привилегированного состояния, бюрократические служащие окружили себя повышенными относительно рядовых граждан нормами материальных и финансовых преференций. Поощрения чиновников рассматривались как естественное обеспечение их принадлежности к правящим группам. «Служение народу», о котором демагогически заявляли функционеры, должно было компенсироваться гарантиями лучших условий жизни номенклатуры.

Желание аппаратчиков жить более комфортно в условиях тоталитарной системы воплотилось в слабо контролируемое злоупотребление властью. Чиновничество отмежевалось от населения материальными и моральными преимуществами, заняв в политической системе господствующее положение. Злоупотребления властью и внеочередное пользование общественным богатством трактовались как естественное следствие, определенное характером компартийной диктатуры.

Список использованных источников

1. Rigby T. Communist Party Membership in the USSR 1917—1967. Princeton : Princeton University Press, 1968. 332 p.
2. Алидин В. И. Государственная безопасность и время. М. : Изографус, 2001. 448 с.
3. Бажан О. Г. XX з'їзд КПРС: сприйняття та реакція населення України // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика : зб. статей. К., 2006. Вип. 10: Хрущовська «відлига»: передумови, реалії, наслідки. Матеріали «круглого столу», 23 лют. 2006 р. С. 112—117.
4. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия : МП «Октябрь», 1991. 624 с.
5. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 448 с.
6. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917—1920 гг. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1998. 259 с.
7. Джилас М. Лицо тоталитаризма : пер. с серб.-хорв. М. : Новости, 1992. 544 с.
8. История России. XX век / А. Н. Боханов [и др.]. М. : АСТ, 1996. 608 с.
9. Кулеви́г Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР / пер. с англ. С. Иванова. М. : АИРО-XXI, 2009. 208 с.
10. Оболонский А. В. Бюрократия и государство: Очерки. М. : [б.и.], 1996. 68 с.
11. Повoєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.) : колективна монографія / відп. ред. В. М. Даниленко : у 3-х частинах. К. : Ін-т історії України НАН України, 2010. Ч. 3. 336 с.
12. Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957—1964 гг.: личности и власть / науч. ред. А. В. Сперанский ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : УрО РАН, 2009. 386 с.
13. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1. Оп. 19. Д. 5.
14. ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 21. Д. 101.
15. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 4379.

16. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5056.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2021.
18. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 45. Д. 1425.
19. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 46. Д. 7338.

Поступила в редакцию 05.01.2014 г.

Киридон Петр Васильевич, доктор исторических наук, доцент
Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко
34000, Украина, г. Полтава, ул. Остроградского, 2
E-mail: p.w.kiridon@rambler.ru

UDC 94(477):329.15:[3.08]«1945/1964»

P. V. Kiridon

Abuse of power and violation of law (by the example of the party-state nomenclature of Ukrainian SSR in 1945—1964)

The article studies the reasons, the prerequisites and the typical manifestations of power abuse by the party-state nomenclature in the postwar vicennial in the Ukrainian SSR.

Key words: Ukrainian Soviet Socialist Republic, Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine, party-state nomenclature, violation of law, abuse of power, privileges.

Kiridon Petr Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University
34000, Ukraine, Poltava, ul. Ostrogradsky, 2
E-mail: p.w.kiridon@rambler.ru